

О х о т а.

Этюдъ.

Въ этотъ храмъ природы, храмъ нерукотворный,
Приходите, люди, бросивъ города!

Въ немъ—пріютъ свободный мысли непокорной,
Утѣшеніе въ горѣ, отдыхъ отъ труда.

Жемчужниковъ.

Охота и все, что связано съ нею, должно быть чрезвычайно дорого для каждаго *истиннаго охотника*. А съ охотою у него связано очень многое.

Ему дорогъ не только самый процессъ охоты, но и всѣ приготовленія къ нему; дорога его записная книжка охотника, на страницы которой, то бѣгло—урывками, то въ подробностяхъ—на свободѣ, онъ заноситъ свои охотничьи впечатлѣнія, свои наблюденія надъ дичью и природой, отмѣчаетъ свои охотничьи удачи и неудачи.

Ему дорого его охотничье оружіе, собаки, приготовленіе патроновъ, что производится съ любовію къ дѣлу въ долгіе осенніе и зимніе вечера; дорога пристрѣлка ружей и стрѣльба въ цѣль; дороги разговоры объ охотѣ и родная охотничья литература, которая многимъ, живущимъ въ глухихъ уголкахъ Россіи и иногда надолго лишеннымъ общенія съ истинными охотниками, замѣняетъ милаго сердцу собесѣдника. Но едва ли не больше всего дорога та обстановка, среди которой происходитъ охота.

Тысячи мелочей всегда сопровождаютъ охоту, и всѣ эти мелочи должны быть дороги каждому истинному охотнику, а его записная книжка, подчеркивая въ памяти охотника пережитыя имъ охотничьи радости и восторги, сослужить ему драгоцѣнную службу, вдохнуть въ него увѣренность, что прожилъ онъ не блѣдно до приторности, а бралъ отъ жизни многое, наслаждаясь и отдыхая среди обожаемой имъ природы, красоты которой, разнообразіе картинъ и необъ-

ятное величіе даже въ маломъ не остались для него мертвой, непонятой имъ буквой, какой они остаются, увы, для многихъ. Сколько лучшихъ воспоминаній связано съ охотой, сколько дивныхъ минутъ выпадаетъ на долю охотника!

Страсть къ охотѣ тѣмъ и сильна и могуча, что она отнюдь не замкнута въ узкія рамки одного убійства дичи, какъ это думаютъ многіе неохотники. Страсть эта обширна и, встрѣчая благоприятную почву, она постоянно ширится, растетъ, неуклонно ведя человѣка по пути любви къ природѣ и, какъ это ни странно для неохотниковъ, заставляетъ очень скоро искренно полюбить чудныхъ созданій природы—звѣрей и птицъ.

Кто-то сказалъ: «для того чтобы простить, надо понять».

Для того чтобы любить животныхъ—надо ихъ знать.

Но кто изъ охотниковъ, при малѣйшей къ тому возможности, не окружалъ себя различными животными и птицами, легко примиряясь съ значительными неудобствами, причиняемыми такими питомцами?.. Кто изъ охотниковъ не умилялся сердцемъ, наблюдая, какъ звѣрь или птица проявляетъ чувство любви, материнства, привязанности и т. д.? Только натуралисты знаютъ жизнь птицъ и животныхъ такъ, какъ знаютъ это охотники, но большинство натуралистовъ—тѣ же охотники.

Охота, тѣсное общеніе съ природой и любовь къ природѣ, ея развиваемая, какъ бы обновляютъ человѣка, вырабатывая въ немъ весьма многія положительныя качества и нравственныя, и физическія и въ то же время, для душевнаго равновѣсія, отрѣшаютъ его, хотя на время, отъ окружающей его среды съ ея обычной, подчасъ и пошлой, и тяжелой прозой сѣренькаго существованія.

И кто глубоко и сознательно *понялъ* охоту, т.-е. полюбилъ природу и всѣхъ дѣтей ея, тотъ никогда не станетъ профанировать охоту, такъ какъ будетъ слишкомъ морально развитъ для этого, и никогда не разочаруется и не откажется добровольно отъ охоты.

Многое мѣняется вокругъ насъ, мѣняемся мы сами. Мы любимъ и забываемъ, теряемъ друзей и измѣняемъ привязанностямъ. Мѣняются наши идеалы въ зависимости отъ нашего настроенія и состоянія; ничто не ускользаетъ отъ всесокрушающаго времени—привычки, взгляды, даже мечты.

Одна охота для истиннаго охотника останется страстью неизмѣнной—онъ будетъ ей вѣренъ до гроба.

И страсть эта никогда не опоплится въ его глазахъ, никогда она его не разочаруетъ, потому что даже длинный рядъ сплошныхъ неудачъ на охотѣ не оставляетъ въ охотникѣ горькаго осадка, и какія бы преграды къ охотѣ не воздвигала ему жизнь, отрѣшиться отъ охоты хотѣ бы духовно онъ не сможетъ.

Трудно пояснить неохотнику прелесть ощущеній, переживаемыхъ на охотѣ охотникомъ.

Страсть къ охотѣ должно воспринимать такъ же, какъ любовь къ женщинѣ—не разсудкомъ, а сердцемъ.

Разнорѣчивыя, богатая различными оттѣнками ощущенія истиннаго охотника глубоки, какъ океанъ, ярко разноцвѣтны, какъ радуга.

Въ маломъ они совмѣщаютъ такъ много: въ одно мгновеніе дарятъ цѣлую поэму.

Охота, охота!.. Не частица ли ты того огня, который Прометей похитилъ съ неба?..

Сближая людей съ природой, какъ много говоришь ты изнывающему съ сомнѣнійхъ уму человѣка.

Не природа ли, вѣчно обновляющаяся, жизнерадостная и необъятная, заставляетъ человѣка цѣнить благо жизни и въ то же время не она ли научаетъ его не бояться смерти, какъ естественной, прямой и необходимой для общей гармоніи и высшаго порядка развязки?! И дичь, убитая на охотѣ, есть залогъ сближенія съ природой, даръ природы человѣку.

Тому, кто преданъ охотѣ и охоту глубоко понимаетъ, всѣми силами души приходится возставать противъ бечеванія охоты названіемъ «злая забава».

«Забавою злою» охота можетъ быть только для тѣхъ, кто смотритъ на нее слишкомъ узко и односторонне, разбираетъ ее съ предубѣжденіемъ, съ точки зрѣнія кабинетнаго теоретика и видитъ въ ней едва ли не одинъ только актъ убійства.

Не то встрѣчаетъ охотникъ въ полѣ.

Процессъ охоты далеко не такъ простъ, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда.

Охота—цѣлая наука.

Охота—борьба.

Дичь вовсе не такъ беззащитна, какъ многіе это думаютъ, и охотимся мы, русскіе охотники, не въ огороженныхъ паркахъ съ

ихъ искусственно разведенной и прирученной дичью, а на необъятномъ просторѣ.

Для удачной при такой обстановкѣ охоты надо изучить до тонкости нравы, привычки, склонности, словомъ, весь образъ жизни дичи; надо быть терпѣливымъ и наблюдательнымъ, знать мѣста, гдѣ и когда дичь держится и проч. и проч.

Въ большинствѣ случаевъ охота требуетъ отъ охотника не мало жертвъ, громадную затрату силъ и массу энергіи.

Для охотъ удачныхъ, къ чему стремится каждый охотникъ, требуется бодрость и тѣла и духа, настойчивость, упорство, терпѣніе, сила, ловкость, находчивость, сообразительность и несомнѣнно—любовь къ дѣлу, такъ что считать охоту легкой и всѣмъ желающимъ пользоваться ею въ равной мѣрѣ доступной, весьма опрометчиво. Охотникъ, не обладающій въ должной мѣрѣ всѣми перечисленными выше качествами, обязательно будетъ представлять изъ себя зрѣлище довольно печальное, что часто встречаемъ мы на дѣлѣ.

Да, охота—цѣлая наука; охота—борьба. Природа дала дичи многое для ея самозащиты, надѣлила дичь изощреннымъ и сильно развитымъ инстинктомъ самосохраненія, съ которымъ охотнику приходится считаться.

Крѣпостью, зачастую прямо недосыгаемостью мѣста, гдѣ она держится; развитыми до тонкости чувствами зрѣнія, слуха и обонянія; быстротою бѣга, скоростью полета, умѣнью запутать свой слѣдъ, затаиться, пользуясь своимъ окрасомъ, зачастую замѣчательно подходящимъ къ цвѣту окружающихъ ей предметовъ и проч., вотъ чѣмъ борется дичь съ охотникомъ.

Борьба эта увлекаетъ охотника не однимъ только актомъ убійства, а главнымъ образомъ, влеченіемъ къ преодоленію трудностей охоты.

Мнѣніе, будто охота вноситъ разрушеніе и смерть въ общую гармонію природы, очень наивно.

Для людей, знающихъ близко природу, а таковы всѣ истинные охотники, смерть не должна казаться явленіемъ исключительнымъ и смѣшно укорять человѣка, будто онъ вноситъ смерть въ природу. Природа только и занята тѣмъ, что рушитъ и созидаетъ, уничтожаетъ и даетъ жизнь.

Смерть присуща природѣ такъ же, какъ и жизнь; на ряду съ

жизнью смерть истинная владычица вселенной, такъ какъ все живое скороспременно, непрочно и съ самаго момента рожденія безпощадно обречено вѣрной гибели—смерти.

Увлекательно и интересно писать по этому вопросу профессоръ Ф. Конъ.

«Жизнь—это непрерывная борьба со смертью, которая каждое мгновение нападаетъ на нее и удары которой она отражаетъ путемъ обновленія. Мы обманываемъ себя, если представляемъ себѣ живое существо, какъ нѣчто неизмѣнное, если считаемъ его явленіе за что-то прочное и постоянное. На самомъ дѣлѣ жизнь имѣетъ сходство съ водопадомъ, который только наружно сохраняетъ свой неизмѣнный видъ, въ дѣйствительности ни одна изъ его водяныхъ частицъ не остается на своемъ мѣстѣ, каждая изъ нихъ непрерывно вытѣсняется и замѣняется другими; только изъ вѣчнаго движенія создается обманчивая картина покоя. Жизнь напоминаетъ пламя, которое неустанно пожираетъ самое себя и лишь въ такомъ случаѣ можетъ распространять равномерный свѣтъ, если сгорѣвшія части немедленно замѣняются новыми, чтобы въ послѣдствіи подвергнуться той же участи—уплощенію».

Разумная утилизація производительныхъ силъ природы на удовлетвореніе физическихъ и духовныхъ потребностей человѣка не должна разсматриваться какъ нѣчто дурное и нежелательное.

Розовая сентиментальность, заставляющая проливать слезы надъ застрѣленной птицей или пойманной на крючокъ рыбой, идущей въ пищу человѣку, очень наивна, такъ какъ нельзя жить, не уничтожая безчисленное количество живыхъ существъ, которыми насыщена среда насъ окружающая, и которые тоже уничтожаютъ одинъ другого и относительно вѣчны только благодаря закону обновленія.

Конечно, высокое чувство любви и жалости къ тварямъ должно быть присуще такъ называемому «царю природы»—человѣку; по чувство это пусть будетъ хорошо уравновѣшеннымъ, здоровымъ чувствомъ, безъ примѣси всякой извращенности, этого гнилого плода развинченной нервной системы и вырожденія.

Зачѣмъ эта излишняя, дряблая слезоточивость, которой нѣтъ мѣста въ природѣ?!

Охота истиннаго охотника, охота доставляющая ему много наслажденія, охота разумная—на птицу во время и въ порѣ, не есть жестокость.

Не одинъ только кровожадный инстинктъ истребленія руководить охотникомъ на охотѣ, а желаніе жить полной жизнью, жизнью естественной, среди природы и пользоваться ея дарами, цѣнными только охотниками по ихъ настоящему, дѣйствительному достоинству.

Я говорю только объ охотѣ любительской. Если же мы станемъ разсматривать охоту, какъ промыселъ, дающій средства къ существованію массѣ людей и надѣляющій человѣчество (въ томъ числѣ и заклятыхъ враговъ охоты) множествомъ предметовъ не только роскоши, но и первой необходимости, то охота при такой постановкѣ вопроса является и желательной, и необходимой.

Если же враги охоты мнѣ скажутъ, что промышленникъ бьетъ птицъ и животныхъ по необходимости и потому это ему простиительно, а любитель охотится для забавы и это скверно, то я отвѣчу, что вопросы о томъ, что кому необходимо, а что нѣтъ, что дѣло и что забава, безъ чего можно или нельзя обойтись—вопросы необъятные и настолько сложные и запутанные, что разобраться въ нихъ простому смертному весьма трудно.

Вопросы эти—заколдованный кругъ, въ которомъ замкнуто человѣчество, и долго еще придется ждать, пока новый Заратустра поможетъ ему перешагнуть эту таинственную грань.

Н. Фокинъ.

25 февраля 1902 г.

Дмитріевское.